

Актер не может быть бездарным

Моск. правда - 1993 - 22 июля - с. 9

Александр Голобородько, лауреат Государственной премии, народный артист России, известен зрителям по таким фильмам, как «Последняя реликвия», «Поговорим, брат!», «Битва за Москву», по историко-публицистическому документальному циклу «Стратегия Победы», телевизионным спектаклям «Внутренний враг», «Молодая хозяйка Нискауори» — всего не перечислишь. Но главное в его жизни — работа на сцене, так он считает. Начинать в Крымском драматическом театре им. М. Горького. Затем Театр имени Леси Украинки в Киеве — там, правда, работал всего один сезон, сыграл одну роль, но какую! — Дон Жуана в пьесе Леси Украинки «Каменный Властелин». Потом была Москва. Как это случилось?

— В 1976 году у нас были большие гастроли. в Москве, и закончились они приглашением сразу в два театра. Сначала имени Моссовета, где и проходили гастроли Крымского театра. Однажды в антракте на спектакле «Ричард III», где я играл Ричарда, пришел ко мне «гонимый» от Михаила Ивановича Царева и сказал, что Царев хочет со мной встретиться. Встретились, и я выбрал тогда Малый. И девять лет провел там. Это целая эпоха в моей жизни, время вхождения в театальный мир Москвы. И это особая тема.

А потом наступил 1985 год — начало небезвестной перестройки. Театр — достаточно чуткий организм, где, как в капле воды, отражается все, что происходит вокруг. Страна в брожении, и театры взбудоражены, пошли разговоры о кризисе советского театра, да и не только разговоры — кризис был налицо. И так получилось, что это совпало, как мне казалось, с личным кризисом. Вдруг захотелось перемен: тут вспомнился старый роман с Театром имени Моссовета. Произошел разговор с главным режиссером П. Хомским. Он предложил мне роль Мити Карамазова. И все решилось буквально в течение месяца. И замечательно, и не жалею, хоть Малый вспоминаю часто: много друзей и так далее.

— В журнале «Театр» вы рассуждаете на тему о том, что актер не может быть бездарным. Если актер существует как профессионал, если он работает, совершенствуется и меняется — он есть. А вот если он ленив, то и бездарен.

— Да, это мои слова, мои в смысле того артиста из провинции. Слишком мелкое сито, через которое проходят люди, собирающиеся профессионально заниматься театром: при поступлении в театальный институт не все выдерживают конкурс, многие «отсеиваются» во время учебы — в итоге процент бездарных людей становится весьма ничтожным. А вообще, есть две вещи на театре — это моя точка зрения — судьба и режиссер. Нормальный актер, как у нас говорят, «не срывающий звезд с неба», вдруг вырастает на глазах, если рядом с ним замечательные партнеры. Сколько есть актеров, которые не были заметны. И вдруг с приходом одаренного режиссера происходят невероятные вещи. Нормально работали актеры в Драматическом театре имени Станиславского. Потом пришел к ним режиссер Анатолий Васильев, и тут же появилась сразу группа, человек 10—15 великолепных артистов, которые стали не просто заметными, а великолепными мастерами. Примеров тьма. Я не помню, чьи это слова, по-моему, Станиславского, о том, что успех актера зависит от труда и сочетания счастливых комбинаций. Я бы сказал, что талант изначально: если его нет — ничем не помочь. Но и при наличии таланта может не сложиться. Тут дело случая.

Есть режиссеры, вроде ничего особенного не делающие, но умеющие очень точно назначать на роль. Таким был первый мой режиссер, ныне уже покойный, Яков Давыдович Бродский — фронтовик, громадный, красивый человек с голубыми глазами, — благодаря которому, собственно, я и стал артистом, известным по крайней мере в Крыму. Я у него играл и учителя танцев, и сразу две роли в спектакле по Юго «Рюи Блаз» — Рюи Блаз и Дона Цезаря. Этот режиссер верил мне безгранично. Но самое главное, он знал, на какую роль назначить и что я вот так

именно смогу сыграть. Иной режиссер умеет «соскрести с тебя ракушки», есть такое профессиональное выражение — как на днище долго плавающих и не ремонтирующихся кораблей налипают ракушки, они затрудняют движение, начинают проедать днище, так и актер обрастает штампами и испытанными приемами. Допустим, сыграл роль, зрителю понравилось, но подобные роли приходится играть и дальше. Тут как раз нужен человек, умеющий «соскрести ракушки».

Я работал у такого режиссера в Малом театре — Леонида Хейфеца, он умел добираться, докопаться аж до твоей печени.

— В каких последних фильмах вы снимались?

— Да какие сейчас съемки! Года два назад я снялся на киностудии «Узбекфильм» у режиссера З. Ройзмана. Может, помните, была такая картина «На темной стороне Луны» про мафиозные дела в Средней Азии, а этот фильм как бы продолжение. Я сыграл роль главного мафиози — генерала МВД. Примерно в то же время снялся в картине, которая все никак не пойдет на экранах, — «Клан». Здесь сыграл честного приличного человека — следователя по особо важным делам. Историю создания этого фильма можно определить фразой: «Кто платит, тот и заказывает музыку». Профинансировал картину, спонсор стал учить режиссера А. Воропаева, что и как снимать, давал свои оценки и в конце концов нашел какую-то «шестерку» «поправить» фильм. Получилось ужасно. И последняя роль — в телеспектакле «Внутренний враг» Российского телевидения.

— В фильме «Царская охота» вы играли графа Григория Орлова, а в спектакле вашего театра — Алексея Орлова, какая роль вам ближе?

— Ну, понятно, что Алексей Орлов — роль более интересная. Так получилось, что для меня «Царская охота» был достаточно сложный спектакль. До меня играл замечательный артист замечательнейшим образом — Леонид Васильевич Марков. Я стал играть эту роль в 1986 году, когда Марков перешел в Малый театр. Достаточно смелый поступок с моей стороны или наглый — не знаю: Марков — могучий русский артист, это был его спектакль, его роль. Рисковал. Работали месяц, наверное. Наконец сыграли пьесу дневным спектаклем. Он шел четыре часа вместо трех. Автор, а потом и художественный совет намекали нам, что, мол, провалились вы, ребята, все. Конечно, вслух этого никто не сказал, но смысл был такой. Потихоньку вытесняли из репертуара, спектакль, мол, смертельно болен. Режиссер не стал дальше заниматься, и мы решили выползти сами. Это был мучительный процесс, мучительный до слез. Но зато через год спектакль выздоровел, зритель опять повалил на него, как на премьерный. Для меня этот спектакль пример, если можно так выразиться, выживаемости, в смысле какого-то прорыва и в театре, и на публике. Он мне стал дорог, что-то вроде талисмана. Когда мне предложили небольшую, практически эпизодическую роль в фильме «Царская охота», я согласился с удовольствием. Это было как бы продолжение жизни в этом материале, в этом времени. Здесь какая-то судьба: я три раза играл в пьесах Зорина. Первый раз в провинции — «Варшавская мелодия». Потом здесь — «Цитата» и сразу

«Царская охота», и снова она, но уже в кино.

— Актер вкладывает в образ определенные чувства, не притупляются ли они со временем, когда годами играется один и тот же спектакль?

— С годами многое притупляется... Но есть профессия, школа, дисциплина. Плюс если спектакль делается умелым режиссером, он замешивается так, что с этого невозможно слезть и можно играть достойно через какое угодно время. Иногда кажется, что ты все делаешь скверно. Это давит, и трудно выползти из какой-то тянучей борьбы с самим собой, с текстом, партнером, а коллега говорит: «Ты сегодня хорошо играл». И если есть хорошая драматургия, она все равно выводит на какой-то уровень независимо от тебя. Что-то в тебе зажигается, потом включается партнер, и завязалось, и забываешь, что сегодня пятый спектакль подряд или 230-й. Например, в пьесах Булгакова можно импровизировать бесконечно. Это великая драматургия. Характеры людей, ситуация, обстоятельства — здесь все имеет значение. Важно не отбывать номер, а помнить о назначении своей профессии.

— Некоторых зрителей, я знаю, несколько шокирует ваш Мышлаевский в спектакле «Белая гвардия». Со сцены звучат нецензурные выражения — дань моде?

— Это насчет «твоей матери» или «за ногу вашу мамашу»? Такие выражения есть в романе — мода здесь ни при чем. Я не люблю мат. Там еще замечательная фраза: «Грозные матерные слова запрыгали, как град по подоконнику...» — это когда Мышлаевский приходит помороженный. А как иначе? Он солдат, прошедший всю войну, страшную окопную войну. К тому же он офицер, который близок к солдатской массе. Рафинированность Мышлаевского была бы неправдой.

— Если бы вы эту роль играли раньше?

— Если бы я знал столько, сколько знаю сейчас, и мыслил, как мыслю сейчас, наверняка сыграл бы так же. Другой вопрос, разрешили бы мне это сделать?

— На спектакле «Белая гвардия» я стала свидетелем небольшой накладки — сломался стол, на который потом что-то надо было ставить.

— Да, приключилось такое, стол был непрочный. Но это невинное происшествие, случаются и трагические вещи, хотя чаще забавные. Когда я работал в Крыму, у нас там шла пьеса Дворецкого «Человек со стороны». Я играл главную роль — Чешкова и в эпизоде распекал за что-то своего подчиненного — драматическая сцена, ничего смешного. Вдруг слышу в зале хохот. Ну, я первым делом оглядываю свою одежду. Как, в известных местах, опрятный вид? Застегнуто ли? Все нормально. Поднимаю глаза, смотрю на своего партнера. Он, согласно роли, смущается, ему стыдно, он старый человек, его ругает какой-то сопляк. И он стоит и крутит от смущения в руках кепку, а вторая — на голове! Видно, поспешил, надел где-то кепку, а потом забыл и перед выходом одолжил у кого-то еще одну.

— Ощущаете ли вы снижение интереса к театру?

— И да, и нет. Все зависит от спектакля. Недавно в Малом театре смотрел премьеру «Дяди Вани» — замечательно! Да, не ажиотаж, но народу для летнего времени достаточно. У нас есть вещи, которые идут всегда, заметьте, с ажиотажами. Какой-то страх, конечно, существует, что однажды придешь на спектакль, а зрительный зал пуст. Это как кошмарный сон. Сейчас люди заняты другим, не до театра. А жаль! Но все-таки, я думаю, интерес настоящий к театру будет всегда. Недавно видел, как футбольные болельщики выходили на площадь со знаменами своих команд, а по Тверской шли поклонники какой-то музыкальной группы, человек триста-четыреста. Бесовщина! Мы, наверное, потеряли пути к молодежи, а всякие группы его приобрели.

— Вы плохо относитесь к современной молодежи музыке?

— Нет, я к ней без осуждения отношусь, но мне она не интересна, плохие тексты, это не поэзия, и поют «под фанеру», как правило, а ребята ломаются на такие концерты. Я могу их понять, может, это протест. Слишком многое у нас за прещалось — детей заковывали в пионеры, в комсомол — этого не петь, с тем не разговаривать, не целоваться. Регламентировали все — вот и дожили, все у нас из Америки, под Америку.

— Почему выбрали вы именно профессию актера?

— Не знаю, хотелось, судьба распорядилась.

— Ваша жена тоже актриса?

— Да, мы с ней вместе еще в Симферополе работали. Сейчас она тоже в Театре имени Моссовета.

— Как материально обеспечен актер?

— Слово «обеспечен» здесь не подходит. Недавно снимался в фильме-спектакле, договор заключил на такую сумму, казалось, о-го-го! Во время не за платили, потом, наконец, получил эту сумму «о-го-го», и... купил жене платье. И все.

— Когда вы снимаетесь в кино, все трюки выполняете сами?

— Пока все делал сам. В юности всерьез занимался спортом, был мастером спорта по фехтованию на шпагах, чемпионом Киева, потом Украины. Когда окончил институт, стал чемпионом Крыма. Увлекался конным спортом, немного самбо. А в детстве не до этого было: сначала война, потом разруха, голод. Мы думали о том, как чей-нибудь сад обчистить да на этом заработать.

— Под каким знаком Зодиака вы родились?

— Я — Весы.

— Вы верите гороскопам?

— В общем, да. У меня один раз совпало до чисел буквально. В гороскопе было написано, что 15 июня я заключаю выгодный контракт. Представьте себе, 14-го мне позвонили и предложили работу в одном фильме, а 15-го я приехал на студию и заключил контракт.

— Перед главным героем романа Джека Лондона «Мартин Иден» возникает вопрос, что важнее — слава или красота?

— Я не знаю, что такое слава. Если под красотой подразумевать настоящее искусство, для меня важнее красота, потому что это настоящее. Слава — вещь эфемерная. Есть масса неизвестных, но очень хороших артистов. И они тянут свою лямку, не рассчитывая на то, что когда-нибудь к ним придет известность. Хотя к этому надо стремиться, но не следует это делать главным.

— Что вы больше всего любите и что, наоборот, не любите?

— Не люблю хамства, в чем бы оно ни выражалось: громких разговорах, беспардонности поведения. Что я больше всего люблю? Жизнь во всех ее проявлениях.

А. ТУНЕВА.

